

Тяжелая чернильница пролетела в сантиметре от лба Шэнь Си и с грохотом разлетелась вдребезги, ударившись о пол. Шэнь Си всё это время стоял на коленях, вытянувшись во фрунт, и даже не моргнул. Шэнь Вэй прекрасно знал характер сына и понимал, что тот ни за что не уклонится, поэтому намеренно бросил предмет чуть в сторону.

— Хорошо, хорошо! Раз уж ты вернулся, чтобы понести наказание, не стану тратить слова попусту. Эй, кто там! Увести его... — Шэнь Вэй глубоко вздохнул, не закончив фразы. Он никак не мог решить, как поступить с младшим сыном. Командуя войсками десятки лет, он всегда был рассудителен и тверд, и лишь в этот раз проявил нерешительность. Видимо, годы берут своё.

Не явиться по зову, опоздать к назначенному сроку, нарушить воинский устав — всё это каралось смертью. Но как Шэнь Вэй мог отдать приказ казнить собственного сына?

На этот раз Шэнь Си не просто пренебрег военным законом, он открыто нарушил указ императора. Проступок был слишком серьезен: если недоброжелатели используют это против них, под ударом окажется весь клан Шэнь. Но если простить его, то как потом смотреть в глаза солдатам? Как отчитываться перед маленьким императором? Держать в руках такую мощную армию и без того опасно, а тут еще и младший сын: кого угодно мог спасти, но выбрал именно князя Цзинь — злейшего врага маленького императора!

Взвесив всё еще раз, Шэнь Вэй махнул рукой:

— Увести этого негодника! Пусть военный судья отвесит ему сотню ударов плетью, а после — привязать к воротам лагеря на три дня на потеху толпе, в назидание остальным! — Старший брат хотел было заступиться, но отец добавил: — И пусть никто не смеет просить за него — просящий будет наказан так же, как и он!

Братья переглянулись и притихли, не смея проронить ни слова.

Дети клана Шэнь с малых лет росли в лагерях, питались подножным кормом и спали на снегу, закаляя тела, словно медь и железо. Сами по себе плети их не пугали, но в такую погоду, после экзекуции, провисеть три дня под ледяным ветром — шансов выжить почти не было. Это был максимум, на который мог пойти Шэнь Вэй ради сына. А выживет ли тот через три дня — зависело уже от его собственной судьбы.

Плеть была сплетена из лучшей воловьей кожи и вымочена в воде: гибкая и тяжелая, она со свистом рассекала воздух, оставляя на спине глубокие следы.

После первого удара на теле вздулся красный рубец толщиной в палец, после второго кожа лопнула, брызнула кровь. С каждым ударом Шэнь Си сжимал зубы и громко выкрикивал:

— Отец-командующий справедливо судит! Сын благодарит за наставление!

В их роду издавна велось: суровое воспитание делает детей почтительными. Когда старшие наказывают младших, те не только не смели сопротивляться, но и должны были благодарить за науку.

Три старших брата привыкли к такому порядку, но муж сестры, выходец из знатной семьи, видел подобное впервые. Вздрагивая при каждом ударе плети по спине Шэнь Си, он не мог скрыть страха и сострадания.

В шатре Шэнь Вэй, слушая эти звуки, всё еще не мог успокоиться и рявкнул:

— Не жалеть! Бейте в полную силу!

У Шэнь Вэя было четверо сыновей и дочь. Старший — Шэнь Гуань, второй — Шэнь Вэнь, третий — Шэнь Чжи, дочь — Шэнь Сюй, и самый младший — Шэнь Си. Семья часто шутила, что только у пятого есть «сердце» (си), и потому он был любимцем родителей. Поздний ребенок, он рос в атмосфере мягкости, к нему не были так строги, как к старшим. Кто бы мог подумать, что вседозволенность взрастит в нем дикий, бесстрашный нрав, который приведет к такой беде.

Экзекуция длилась больше получаса. Когда всё закончилось, спина Шэнь Си представляла собой кровавое месиво. Не дав ему даже перевести дух, его сразу же выволокли и подвесили на воротах. Тело, словно кусок вяленого мяса, раскачивалось на ветру, и каждое движение отдавалось нестерпимой болью в рваных ранах. Кровь стекала вниз, пропитывая одежду, которая на холодном ветру прилипала к телу, леденя до костей.

К ночи боль сменилась онемением, спина и конечности перестали ощущаться, будто были чужими. Он непрерывно дрожал, а на бровях и ресницах осел иней.

В шатре отца всю ночь горели свечи: старший брат играл с ним в шахматы. Он был мастером стратегии, умел обходить сильных врагов и бить по слабым местам. Он ставил черные камни, отец — белые: это была партия с форой. Отец и сын поглядывали друг на друга, но хранили молчание.

Зять, пользуясь должностью интенданта, распорядился переносить угли поближе к воротам, надеясь хоть немного согреть Шэнь Си. Это было каплей в море, но лучше, чем ничего.

Увидев, что стража отвлеклась, третий брат подошел к воротам с фарфоровым кувшином. Стражники преградили ему путь, но он потряс сосудом:

— Господин Шэнь приказал выставить его на всеобщее обозрение, но не запрещал давать ему пить.

Стражники переглянулись и не стали мешать. Третий брат сунул носик кувшина в губы брату и незаметно подмигнул. Он всегда был хитрецом — кто знает, что он задумал на этот раз? Шэнь Си гнал лошадей из Нинчэна без остановки, питаясь лишь сухим пайком, и с момента наказания не пил ни глотка воды.

Сделав глоток, Шэнь Си в изумлении распахнул глаза: в кувшине была не вода, а крепкий куриный бульон с женьшенем. Весь кувшин вернул его с порога загробного мира.

Второй брат, самый неразговорчивый и правильный, не зная, как облегчить страдания младшего, просто стоял рядом, как каменный столб, подставляя лицо ледяному ветру. Каждые полчаса он тихонько звал:

— Пятый?

Получив в ответ глухое «угу», он успокаивался. Он боялся, что в такой холод брат может просто уснуть и замерзнуть насмерть.

В полузабытьи Шэнь Си слышалось: Няньцин! Няньцин!

Он с трудом разлепил тяжелые веки. Перед глазами возникла извилистая тропинка. Он мчался по ней, мимо источника Сисинь, через ущелье Юйпай, к вершине горы Хунъя. Шум водопада звучал как серебряные колокольчики. Два юноши стояли на краю, глядя вниз на раскинувшиеся горы.

Вэй Юй указал на юг:

— Няньцин, что ты видишь?

Он протер глаза:

— Вижу храм Сисинь на склоне, академию Миндэ у подножия...

Вэй Юй, улыбнувшись, покачал головой:

— А дальше, за горой Ланьюэ, на юге?

Он задумался:

— Цзичжоу? Луян?

Вэй Юй рассмеялся:

— Еще дальше!

Он рискнул:

— Столица?

Вэй Юй запрокинул голову и расхохотался:

— Это тысячи ли великой страны!

Шэнь Си пообещал:

— Когда-нибудь я на своих конях покорю Поднебесную и подарю эту страну Болин!

Вэй Юй прикрыл ему рот рукой:

— Здесь только мы, но снаружи не болтай об этом — за такое голову снимут.

Шэнь Си никогда не боялся потерять голову. Ни тогда, ни сейчас. Он боялся лишь того, что не исполнит своей клятвы. К Вэй Юю он питал невыразимое чувство. Он почитал его, как отца, полагался на него, как на мать, дразнил, как сестру, и доверял ему, как брату... Да, это был его Болин.

Издадека донесся звон колокольчиков и топот копыт.

— Наш князь прибыл засвидетельствовать почтение старому генералу Шэню...

Князь? Какой князь? Сяньхуайский князь Вэй Болин? Зачем он здесь? Болин, ты ведь плохо переносишь вино, как ты себя чувствуешь эти два дня?

Шэнь Си с трудом открыл глаза и увидел желтые сапоги, расшитые пятипалыми драконами. Хозяин сапог наклонился к его уху и прошептал:

— Няньцин, потерпи еще немного. Отныне ты — мой человек.

Князь Цзинь выехал после полудня и направился к Нинчэну. На полпути он получил известие: Шэнь Вэй жестоко выпорол сына и подвесил его на воротах на три дня.

Сентябрь на границе был холодным, а по ночам — особенно. В такую погоду даже здоровый человек, простояв три дня, окоченеет. Шэнь Вэй оказался куда жестче, чем он предполагал.

Князь плотнее запахнул плащ:

— Как он? Держится?

Слуга, посланный для разведки, поклонился:

— Пока жив, думаю, еще день продержится.

— Раз так... — князь прищурился и махнул рукавом: — Не спешите. Прибудем завтра утром.

Приезжать слишком рано — значит впустую тратить силы. Пусть Шэнь Вэй помучается. Пока сын не окажется на грани смерти, он всё равно его не отпустит.

Когда карета прибыла в лагерь Ифувэй, утренний туман еще не рассеялся. Князь увидел черную фигуру, неподвижно висящую в белой дымке, и сердце его сжалось.

Шэнь Си был в том же одеянии, что и в битве при Нинчэне, только без защиты, а одежда превратилась в лохмотья. Запекшаяся кровь покрывала спину, кожи почти не осталось.

Князь, привыкший к жестокости, вздрогнул. Он подошел к Шэнь Си и прошептал:

— Няньцин, потерпи еще немного. Отныне ты принадлежишь мне, и я тебя защищу.

Шэнь Си медленно поднял голову. В его глазах — глубоких, как темные омуты — читалась усталость. Он улыбнулся — улыбкой, похожей на рассвет, такой чистой, что у князя перехватило дыхание.

Князь отвел взгляд и, напустив на себя официальный вид, зашагал в шатер Шэнь Вэя.

После всех формальностей князь сказал прямо:

— Я пришел по двум причинам: поблагодарить за помощь в Нинчэне и попросить пощадить Няньцина.

Шэнь Вэй ответил спокойно:

— Это не моя заслуга. А наказание для сына — дело семейное. Он мой подчиненный и мой сын, я вправе его наказывать. Не утруждайте себя этим, Ваше Высочество.

Князь, видя твердость генерала, перешел к делу:

— У меня есть еще одна просьба. Ваш сын проявил невероятную отвагу. Я хочу усыновить его и воспитать. Что скажете?

Шэнь Вэй усмехнулся:

— Он — лишь мусор, выросший в грязи. Грубый и непокорный, он лишь опозорит вашу семью.

Мы не смеем претендовать на такую честь.

Князь знал, что его репутация небезупречна. Он сделал глоток чая и прищурился:

— А если я прикажу как князь?

Шэнь Вэй был в отчаянии. Он понимал, что если отдаст сына, то спасет ему жизнь. Но это свяжет клан Шэнь с князем — врагом императора. А если придется воевать с князем Цзинь?

— Позвать Шэнь Си! — наконец приказал он.

Двое солдат втащили его в шатер. Шэнь Си не чувствовал ног.

— Шэнь Си! — рявкнул отец. — Князь хочет усыновить тебя! Благодарю его!

Шэнь Си был в полубомороке.

— Не нужно формальностей, мы теперь семья, — добавил князь.

— Вы поторопились, Ваше Высочество! — отрезал Шэнь Вэй. — Раз я не смог его воспитать, я отрекаюсь от него. С этого момента он больше не сын клана Шэнь. Отныне он — ваш.

Шэнь Си не мог поверить своим ушам. Он взглянул на отца, упал на колени и прохрипел:

— Тятенька...

Третий брат подбежал к нему и прошептал:

— Отец пытается тебя спасти, Пятый! Только князь сейчас может это сделать. Уезжай с ним, а мы потом что-нибудь придумаем!

Шэнь Си, сжав зубы, поклонился отцу до земли трижды, а затем обернулся к князю:

— Приветствую приемного отца...

Князь, не теряя времени, решил немедленно покинуть лагерь.

Братья помогли Шэнь Си дойти до кареты. Перед тем как сесть, он оглянулся на Нинчэн, надеясь услышать звук знакомых копыт, но вокруг стояла лишь тишина. С горечью он сел в карету князя Цзинь.

Старший брат провожал его взглядом, отец так и не показался. Когда карета тронулась, зять догнал их, передав ему узелок с лекарствами, одеждой, книгами по тактике и письмом от сестры. Она была на третьем месяце беременности.

Когда князь вошел в карету к Шэнь Си, тот, раздевшись до пояса, с трудом наносил мазь на раны. Внутри было тепло, печь топилась. Князь невольно залюбовался его сильным, загорелым телом, покрытым шрамами.

Увидев князя, Шэнь Си хотел было встать, но лишь отмахнулся:

— Не стоило вам утруждаться, Ваше Высочество.

Князь рассмеялся:

— Ты теперь мой приемный сын, не нужно стесняться. Ты спас мне жизнь, я хочу отблагодарить тебя.

Шэнь Си усмехнулся:

— Вот так вы благодарите?

Князь в недоумении поднял бровь:

— Что-то не так?

Шэнь Си горько улыбнулся:

— Если бы вы не приехали за мной, я бы не дожил до утра. Но вы ведь устроили этот спектакль с усыновлением совсем не ради моего спасения, правда?

<http://bllate.org/book/21936/2279015>